

РИХАРД УТЦ,

профессор, доктор социологических наук Рихард Утц изучал социологию, политологию и историю в 80-е годы XX столетия в Берлине и в Гейдельберге. В 1990-х в качестве социального работника занимался трудоустройством безработных и профориентацией молодежи, продолжая исследовательскую работу. В 1997 году издал монографию (по теме докторской диссертации) “Социология интриги. Тайное соперничество в триаде, изученное на примере трех исторических событий”. В настоящее время Р.Утц работает в Высшей школе Мангейма профессором социологии и социальной работы, специализируется в области социологии культуры и политики, а также занимается исследованием немецкого национал-социализма.

Идеально-типичная конструкция структуры отношений в интриге — тайная схватка в триаде¹

1. Лексическое и литературно-научное определение интриги

К определению интриги будут привлечены немецко-, франко- и англоязычные лексические источники. Этимология слова “интрига”: от латинского “intricare” — спутывать — и “tricae” — козни или осложнения². Из итальянского языка (“intrigare” — впутывать друг друга, препятствовать, тормозить, мешать, вмешиваться — и “intrighi” — паутина лжи и коварство; “intrighi amorosi” — любовные делишки — или “intrighi di corte” — дворцовые интриги) интрига попадает в культурное сознание Нового времени как нечто, связанное с обманом и коварством. Испанская литература XVII века утвердила интригу как поэтическую форму искусства и довела до совершенства, как, например, в комедиях-интригах Педро Кальдерона де ла Барка (самая известная из них —

¹ Раздел II книги Р.Утца “Социология интриги” (перевод с нем. по: Richard Utz // Soziologie der Intrige. — Berlin: Duncker & Humblot, 1997. — S. 290).

² См.: [Fridrich, 1975: 328].

“Дама-невидимка”)¹. Французская литература XVIII столетия продолжила развивать интригу как игру, и, например, у Бомарше в “Севильском цирюльнике” (1775) интрига нашла свое наивысшее воплощение.

В немецком словоупотреблении у интриги обнаруживаются следующие устойчивые смысловые значения: ее цель сводится к тому, что “один действует против другого, расстраивает его планы, вредит”²; при этом средствами являются “созданные путем коварства и козней осложнения в действиях и личностных отношениях”³ или “преднамеренное тайное запутывание нитей для достижения определенных целей”⁴.

В английском словоупотреблении имеет место смещение акцента с цели интриги на ее средства, которые в известной степени уже компрометируют любую задуманную цель интриги так, что лучше держаться от этого подальше. Под интригой понимаются средства: “Intricacy (сложность, усложненность, запутанность); complexity (усложненность); complicated contrivance (замысловатый план / затея)”⁵ или “tortuous” (уклончивый, изворотливый, витиеватый) или “underhand or secret influence” (скрытое или тайное влияние), к чему прибегают, чтобы достичь “some purpose” (некоторой цели). Глагол “to intrigue” еще больше заостряет значение интриги как средства. Его значение (там же) “to trick” (обманывать, подводить кого-либо, соблазнять на что-либо), “deceive” (обманывать, вводить в заблуждение), “cheat” (ловчить) подчеркивает обман и манипулирование человеком как особое средство интриги⁶.

Более индифферентным в моральном плане и скорее подразумевающим цели и средства является соответствующее словоупотребление во французском языке. В словаре “Tremor de la Langue Frangaise. Dictionnaire de la Langue du XIX siècle, 1789–1960” я взял одновременно оба определения — пространное и сжатое. Интриган — это тот, кто использует интригу для достижения своей цели⁷; интрига — это такое подспудное, своекорыстное действие, направленное на то, чтобы успешно извлечь выгоду, тем самым нанося ущерб другому⁸. Таковы словарные определения.

Я обращаюсь к двум литературоведческим работам, в которых исследуется феномен интриги. Речь идет о двух диссертациях: одна — Хайнца Кнорра (Knorr, 1951), вторая — Арнульфа Дитерле (Dieterle, 1980).

По мнению Х.Кнорра, в исследуемых им драмах периода от эпохи Барокко вплоть до времен “Бури и натиска” интриганов объединяли когнитив-

1 См.: [Brockhaus, 1922: 199].

2 См.: [Duden, 1977: 1359; Brockhaus, 1989: 591]: “Интрига ... скрытые происки со стороны одного по отношению к другому с целью причинения вреда”.

3 См.: [Brockhaus, 1922: 199].

4 Wörterbuch der Deutschen Sprache, 1860: 821.

5 См.: [The New Shorter Oxford English Dictionary, 1933: 1405].

6 См.: Ibidem.

7 Человек, “склонный затевать многочисленные интриги” или “прибегающий к интригам ради своего блага” (см.: [Tremor de la Langue Francaise, 1983: 492]).

8 “Взаимодействие маскируется витиеватыми хитросплетениями, с тем чтобы обеспечить успех предприятия, получать те или иные преимущества и навредить (досадить) кому-либо” (см.: [Tremor de la Langue Francaise, 1983: 493]).

ные и моральные качества: рациональность поведения и аморальность. Интриганы в своих поступках постоянно ориентированы на планы, целерационально просчитанные проекты. Это “всегда ... сложные натуры, которые, исходя из расчетливых эгоистичных замыслов, вмешиваются в дело, придавая ему решающий поворот” (Кногг, 1951: 4f). При этом в драматургии интриганы оперируют специфическим “двуличием: двойственностью внешнего вида и сущностных свойств, выражающейся в завуалировании истинных намерений, по меньшей мере против одной из сторон” (Кногг, 1951). Аморальность интригана вытекает из осознанной инструментализации лжи, притворства, обмана и мошенничества для достижения своих целей. Его цель — причинить ущерб отдельным людям посредством создания точно просчитанных препятствий. Питательной средой для этого является слабость отдельных индивидов и невосприимчивость к реальности тех людей, против которых выстраивается интрига.

А.Дитерле различает в своих исследованиях греко-римской комедии четыре структурные особенности, которые, по его мнению, должны присутствовать в каждой комедийной интриге: 1) определенная констелляция персоналий: носитель интриги (интриган) и жертва интриги; 2) цель интриги; 3) показательные (инсценируемые) построения как средства интриги и 4) взаимодействие между интриганом и жертвой интриги.

1. Персоналии: интрига предполагает носителя интриги (интригана), который планирует и совершает действие, и соответствующий объект (жертву).
2. Цель: интриган желает для себя или для своей стороны от жертвы интриги чего-то, чего до сих пор (или только) своими силами не мог достичь.
3. Средства: интриган пытается добиваться своих целей не прямо, а хитростью, прибегнув либо к подтасовке, либо к показательным действиям.
4. Действие: между интриганом и жертвой в драме должно состояться взаимодействие, затрагивающее сферу интересов жертвы в расчете на определенную ее (жертвы) реакцию на интригу.

На основании этих словарных и литературоведческих определений интриги можно извлечь следующие протосоциологические, филологические, присутствующие в обыденном сознании и поэтому также релевантные для конструирования идеального типа “Интрига” толкования и связать их с первым определением: интрига — это феномен, в рамках которого интриган преднамеренно и скрытно — посредством обмана, искажений, запутывания или создания фиктивного мира обходным путем получает выгоду, нанося ущерб простодушной, не ведающей подозрений жертве интриги¹.

2. Основные положения в конструкции идеального типа интриги

Это первое приближение к формулировке определения имеет различные импликации, которые могут оказаться полезными для моих дальней-

¹ Ср.: “Итак, под интригой понимается тайное подстрекательство сторонних лиц посредством истинной, частично истинной или ложной информации, работающей на одну из сторон” [Thau, 1990: 17]; ср. также: “Интригой является тактическое нападение “из засады” с целью нанесения ущерба жертве. Люди, лукаво затеывая интригу, как правило, маскируют конфликты между собой” [Роуггоу, 1986: 11].

ших рассуждений. Если ограничиться в интриге только интриганом и жертвой интриги, то возникают следующие вопросы: “Почему интриган преследует свои цели опосредованно (не прямо)?” и “Почему он должен совершать свои поступки тайно и добиваться своей выгоды, причиняя ущерб жертве интриги, посредством обманных и ложных маневров?” Необходимо, таким образом, предварить рассмотрение интриги выяснением свойственных ей оснований, таких как опосредованность, секретность и ложь.

а. Первая импликация — триадичная структура интриги

Далее простой вопрос: что означает необходимость опосредования для осуществления интриги? Интрига осуществляется опосредованно, поскольку типичная позиция интригана в конкретном социальном контексте предполагает отсутствие достаточной власти¹ для организации получения своей выгоды или нанесения ущерба другим и, чтобы реализовать свою волю, он должен выбрать окольный путь интриги с ее специфическими средствами. Следующее: “опосредованность” может означать и то, что интриган из-за дефицита собственных сил в данном социальном контексте не может достичь своих целей самостоятельно — только обходным путем и с помощью третьего лица, что компенсирует недостающий интригану для получения блага ресурс. Под этим третьим лицом, которого интриган для достижения своих целей должен контролировать, я подразумеваю исполнителя интриги наряду с интриганом и жертвой интриги.

В качестве первого основания интриги я рассматриваю ее триадичность. Я очерчиваю интригу через триаду. Эту триадичность интриги образуют позиции интригана, жертвы интриги и исполнителя интриги.

б. Вторая импликация — тайна, секрет и ложь

Позиция третьего вновь обращает нас ко второму аспекту интриги — к “секретности”, “лжи”, “обману” как средствам интриги. Почему интриган должен скрывать свои намерения и цели и от кого? Существует множество социальных ситуаций, в которых некто открыто извлекает для себя выгоду или вредит кому-то. Происходит ли это в силу того, что одни оказываются в выигрышном положении только при условии, что другие обречены на проигрыш? Вполне естественны ситуации, например на рынке, когда люди конкурируют друг с другом и прибыль одних также достигается за счет убытков других без какой-либо интриги между ними. Следовательно, необходимо наличие специфических условий, побуждающих интриганов тайно способствовать неудачам жертвы интриги и требующих таких средств, как ложь, обман, создание иллюзорного мира.

Начну с приведенных выше аргументов. Если позиция одного лица в социальном контексте не позволяет ему получать выгоду от потерь других в силу того, что оно не располагает достаточными ресурсами, но все же желает осуществить такие действия, тогда это лицо использует нелегитимные средства и вынуждено нарушать социальные устои в данном социальном контексте. У интригана появляется желание незаконным образом осуществить

¹ Каждый шанс настоять на своем, несмотря на сопротивление в рамках существующих социальных отношений, независимо от того, на чем основываются эти шансы, и означает власть.

свои аморальные намерения¹, получить выгоду за счет потерь других, скрывая как от жертвы интриги, так и от исполнителя интриги, или представляя в ложном свете свои истинные намерения, чтобы избежать осуждения со стороны исполнителя интриги или же не спровоцировать жертву интриги на ответные меры. Это и есть функциональная взаимосвязь во взаимодействии по типу интриги, предполагающей обман и ложь. Если интригану для извлечения выгоды от потерь жертвы из-за дефицита у него сил (возможностей) требуется посредничество третьего лица, он должен создать для этого третьего лица мотив действовать по замыслу интригана, не распознавая этой мотивации. Короче, интриган должен представить исполнителю интриги конструкцию реальности, которая вынудила бы его действовать в ущерб жертве интриги, даже в тех случаях, когда исполнитель интриги находится в дружеских отношениях с жертвой интриги. Это иная функциональная связь внутри взаимодействия по типу интриги, в которое интриган, руководствуясь своими целями, привносит ложь, обман или сконструированную в соответствии со своим замыслом реальность. Он может оперировать истинной и ложной информацией и превращать ту и другую в конструкции реальности с тем, чтобы обратить исполнителя интриги по своему замыслу против жертвы интриги. Дальнейшего обсуждения требуют следующие вопросы: доля какого знания — лживого или правдивого — преобладает в интриге? Каковы свойства когнитивных структур сконструированной в интриге реальности, предназначенной для воздействия посредством иллюзии на исполнителя интриги?

В качестве второго конструкционно-значимого пункта я рассматриваю утаивание и искаженное освещение событий в интриге. Я очерчиваю интригу в виде триады, в рамках которой интриган получает свои дивиденды от потерь жертвы интриги, скрывая свои намерения насчет обмана и от жертвы, и от исполнителя интриги.

с. Третья импликация — борьба за обладание ценным ресурсом

Для интриг необходима триада: интриган желает скрыть свои намерения; жертва интриги должна быть обманута, а исполнитель интриги выступает инструментом в создании обманчивой конструкции реальности. Если интриган получает выгоду только вследствие потерь жертвы интриги, то из этого следует, что есть нечто общезначимое для интригана и жертвы. Для них существует одна ценность или один объект — то, чем оба еще не обладают, но стремятся к этому. Либо один из них обладает этим, но не желает уступать другому. Это может быть истолковано как отношение противостояния, конкуренции, борьбы. Интриган нападает на жертву интриги с помощью испол-

¹ “Аморальное” или “этически неприемлемое” — это такого рода намерение, которое, согласно категорическому императиву И.Канта, в условиях западного кризиса культуры может служить своего рода мерилу для оценки моральности действия. Если лишенный эмпирических и качественных критериев [субъект] воли желает действовать морально, ему следует вести себя следующим образом: “...я никогда не должен поступать иначе, нежели так, как желал бы, чтобы поступали со мной, моя максима должна стать всеобщим законом” [Kant, 1980: 28]. Намерения в интриге и ориентированные на интригу поступки безнравственны и аморальны, поскольку в высшей степени эгоистичны и всегда ставят личную выгоду выше интересов других. При этом интриган всегда понимает, что его выгода достижима только ценой ущерба для других.

нителя интриги, так как хочет нечто отнять у жертвы, хочет утвердить свое обладание тем, что принадлежит жертве, или, наконец, завидует какому-либо благу, имеющемуся у жертвы и для него самого недоступному.

Вполне закономерно в качестве третьего конструкционно-значимого элемента в интригах возникает конфликтность, и интриги приобретают форму своего рода распри или конфликта.

Приведенные выше рассуждения позволяют выделить три главные составляющие, которые могут быть положены в основу построения идеально-типа интриги: триадичность, сокрытие правды или ложь и конфликтность. Интрига предполагает три позиции: интригана, жертвы интриги и исполнителя интриги. В интриге интриган противостоит жертве интриги посредством утаивания и обмана, а не напрямую. Необходимость прибегать к посредничеству и полагаться на исполнителя интриги, использовать ложь и утаивание в качестве средств борьбы возникает в условиях дефицита власти у интригана, желающего инструментально использовать для своего блага контекстуальное превосходство в силе, отличающее исполнителя интриги в сравнении с жертвой интриги, и все потому, что и жертва, и интриган либо обладают одним благом, либо стремятся к обладанию им. Я называю интригу тайным соперничеством в триаде¹.

3. Социология Зиммеля и идеально-типичная конструкция интриги как скрытого противостояния в триаде

<...>

в. Секретность и ложь в триаде интриги

Триадическая форма интриги ведет нас вновь ко второму аспекту интриги — утаиванию (обману, лжи) как средству интриги². Если интриган

¹ Новое выражение “моббинг” происходит от английского глагола “to mob” — *грубо обращаться, задевать* и существительного “mob” — *чернь*; это дискутируемое социальное явление, на мой взгляд, не имеет отношения к интриге, поскольку здесь противопоставляются две стороны: те, кто подвергается страданиям, и те, кто создает эти страдания: “Понятие “моббинг” отражает негативные коммуникативные действия, направленные против одной личности (или же нескольких)” и совершаемые часто и на протяжении длительного времени, что и характеризует отношения между истязателем и жертвой [Leumann, 1993: S. 21]. Моббинг — это техника коммуникативной изоляции и разрушения статуса и идентичности на больших предприятиях с многочисленными коллективами с дифференцированной структурой и функциями. Моббер ставит своей целью нанесение ущерба *Альтер Эго* из соображений личной вражды и настроенности на издевательство (см.: [Leumann, 1993: 35]). Специфической характеристикой моббинга является его изматывающее воздействие на жертву, достигаемое не в результате утаивания мобби-активности, а наоборот, через оскорбительную откровенность или создание эффекта “вынесения на всеобщее обозрение”. Посягательство на достоинство, на личную неприкосновенность и идентичность подвергаемого моббингу происходит публично и у всех на виду, так, чтобы сделать невозможным уважение к нему, оставив место лишь для презрения. Моббер оскорбляет достоинство подвергаемого моббингу и навязывает ему унижительную роль, в которой тому сложно не “потерять лицо”; это обсуждение в присутствии других лиц, критика с целью спровоцировать его реакцию для новых столкновений и для окончательного унижения.

² Бригита Недельманн указывает на тесную взаимосвязь между триадой и тайной: “Секретность обычно предполагает [участие] по меньшей мере трех лиц. В тот момент,

вынужден скрывать свои намерения и цели и демонстрировать ложные мотивы (хотя возможно множество социальных ситуаций, в которых одни открыто добиваются своих благ или наносят вред другим без интриги, как, например, в рыночных отношениях), то значит, интригану в силу специфических условий, заставляющих его не гнушаться такими средствами, как ложь, обман и конструирование иллюзий, приходится скрывать выгодность для него потерь жертвы интриги.

Обобщу приведенную выше аргументацию. Когда индивид в контексте определенной деятельности испытывает дефицит силы, не позволяющий ему получить блага, открыто нанося ущерб другим, но все же стремится к реализации своих целей, тогда он вынужден использовать нелегитимные средства, нарушая при этом социальный порядок и систему норм в конкретном контексте взаимодействия. В таких случаях интриган стремится реализовать свои намерения в рамках интриги, любыми средствами держа в неведении как жертву интриги, так и исполнителя, прибегая ко лжи касательно своих истинных намерений, с тем чтобы со стороны исполнителя интриги не последовали те или иные санкции или чтобы не спровоцировать жертву интриги на сопротивление — это тот момент интриги, где в триаде концентрируется утаивание и ложь.

Поскольку в данном социальном контексте интриган не может из-за дефицита власти получить выгоду за счет потерь жертвы интриги без посредничества третьего лица, то он должен создать для этого третьего лица мотив, побуждающий того действовать по замыслу интригана, о чем этот третий не должен ни догадаться, ни узнать.

В своих социологических трудах¹ Зиммель в общих чертах представлял знание как один из элементов социального априори каждого взаимодействия². Изначальное знание акторов друг о друге и приобретаемое в процессе интеракции и по ее завершении облегчает либо усложняет, стабилизирует либо расстраивает социальное взаимодействие³. Такое знание может быть истинным и точным или ложным и ошибочным, конвенциональным и предположительным или интимным и эмпирическим⁴. Добытое в непосредственном взаимодействии, а не посредством дедукции из объективно установленной истины, знание возводится знающим в ранг субъективно ценной ис-

когда индивид делится своим секретом с кем-то и при этом исключает других из [круга] посвященных в секрет, образуются социальные отношения. Подобные случаи группы, состоящей из трех человек, или триады, находятся в фокусе аналитического интереса Зиммеля” [Nedelmann, 1994: 205f].

1 См.: [Simmel, 1992a: 257–304; Simmel, 1992b: 406–419, Simmel, 1993: 108–115].

2 “Знание того, с кем имеешь дело, вообще составляет первое условие взаимодействия с кем-либо; обычное в той или иной мере разностороннее представление в рамках продолжительного общения или же встречи в одном общественном поле соответственно символизирует всестороннее знание как априори любой связи” [Simmel, 1992a: 383].

3 “... Таким образом, каждый знает другого, с которым он имеет дело, что, собственно, и делает возможными мобильность и взаимоотношения” [Simmel, 1992a: 383].

4 “Сколько заблуждений и пустых предассудков может корениться в этих знаниях — это еще вопрос” [Simmel, 1992a: 383].

тины¹. Такое знание одного человека о других не может быть абсолютным и исчерпывающим; оно всегда ограничено, поскольку Другой может сообщить нам в актуальном взаимодействии отнюдь не все, а лишь некоторые фрагменты, и так же фрагментарно мы узнаем Другого². Что касается *Эго*, то к самому себе существует почти прямой доступ, но из бесконечного многообразия своих спонтанных форм переживания и из обращения к “точке зрения рассудка, ценности, связей со слушающими” [Simmel, 1992a: 387] неизбежно выбираются устоявшиеся содержания для сообщений. Поэтому *Альтер Эго* не только не знает всей правды *Эго*, но и постоянно порождает единственный в своем роде индивидуальный образ *Эго*, который не совпадает ни с его образом для третьего лица, ни с *Эго* как таковым. Следовательно, фрагменты знания образуют исходный материал, из которого взаимодействующие собирают унифицированный индивидуальный образ, или “персональное единство противоположностей”, которое, сохраняясь в возобновляемых взаимодействиях, может корректироваться или же подтверждаться.

Конституирующие когнитивные возможности человеческого познания³ для Зиммеля являются [такими же] предпосылками всяких отношений, как и его ограничения, например, неосведомленность или незнание. Однако Зиммель добавляет к этому еще два аспекта. Первый состоит в том, что ограничения человеческого познания имеют не только антропологически-конститутивную, но и социальную форму. Второй — в том, что носители знаний могут по собственной воле либо сделать доступные им знания о себе и о других открытыми, либо утаивать их⁴. Конститутивная и формальная ограниченность, а также волюнтаристская манипулятивность задают рамки социального взаимодействия, в котором возможны знание и незнание друг о друге, полнота или неполнота знания друг о друге, предание гласности и сокрытие, правдивые и ложные сообщения⁵.

¹ Это отличает его от знания из вторых рук, которое всегда далеко от субъективно ценной истины, добытой из непосредственной интеракции. Разумеется, существует объективно обоснованное и в полном смысле этого слова истинное знание, которое не нуждается в интерактивном подкреплении. Конечно, это предполагает признание критерия значимости, в соответствии с которым суждение о положении дел оценивается как истинное или ложное.

² См.: [Simmel, 1992a: 384].

³ Зиммель говорит об универсальных психологических предпосылках [Simmel, 1992a: 384], о “формах ..., носителем которых является познающий разум и в которые он включает данный факт” [Simmel, 1992a: 384], остающиеся “сугубо индивидуально дифференцированными” [Simmel, 1992a: 384]; это не сводится к “научному обобщению или присущей внешней природе над-субъектной силе достоверности, в противовес ментальным процессам” [Simmel, 1992a: 384].

⁴ Никакой иной объект не способен стать для нас открытым или сокрытым так, как способен человек, поскольку ничто иное не модифицируется посредством рефлексии в формы самосознания [Simmel, 1992a: 386].

⁵ “Однако, учитывая случайные и неудачные [формы] приспособления к условиям жизни, не может быть сомнений, что мы храним много не только истинного, но и неистинного знания, и, таким образом, возникает множество недоразумений, что касается целесообразности наших практических действий; по большому счету, жизнь человека заставляет его исказить свои знания, вплоть до лжи, что часто оборачивается разочарова-

Зиммель исследовал связь взаимодействия и знания. Незнание в плане формальных ограничений предшествует [знанию] и проявляется в таких формах взаимодействия, как брак¹, дружба², знакомство³, целевой альянс⁴, целевые связи⁵; а в плане волюнтаристского манипулирования — в таких формах, как доверие⁶, дискредитация⁷, сокрытие⁸, ложь⁹.

Формальную ограниченность взаимодействия Зиммель соразмеряет с тем, что: “личностные знания, в разной степени доступные для других, удерживаются личностью за пределами взаимодействия” [Simmel, 1992a: 392]¹⁰. Супружеские отношения являются доверительными и требуют высшей степени познания друг друга. В зависимости от степени объективации и дифференциации культурного контекста брак может изначально основываться на “экономико-социальной” или “эротической” почве, и его практические формы реализации будут в той или иной мере зависеть от каждого из супругов как индивида. Чем больше объективация культуры, тем более индивидуализированно могут строиться взаимодействия супругов; чем более тесно связаны супруги эротически, тем интимнее и разностороннее могут быть их знания друг о друге¹¹. Дружба — явление иррационального характера — предполагает и вместе с тем обуславливает большую степень “душевного доверия” [Simmel, 1992a: 400] и интимного знания, которые в зависимости от культурных особенностей распространяются на большее или меньшее количество друзей¹². [Отношение между] знакомыми сужает интерактивные знания до неинтимных, общих представлений о том, в чем *Альтер Эго* в своей видимой части являет себя как член общества, легко узнаваемый и понятный другим, что предшествует знаниям о его внутреннем содержании и форме¹³. На противоположном полюсе форм взаимодействия находятся внеличностные отноше-

нием в его способностях, в суевном чувстве по отношению к богу в лице человека, с тем чтобы не утратить своей сущности и творческого начала. С такой психологической точки зрения, через сомнения согласовывается правда ...” [Simmel, 1992a: 385].

1 См.: [Simmel, 1992a: 401ff].

2 См.: [Simmel, 1992a: 400f].

3 См.: [Simmel, 1992a: 395].

4 См.: [Simmel, 1992a: 392].

5 См.: [Simmel, 1992a: 398].

6 См.: [Simmel, 1992a: 394].

7 См.: [Simmel, 1992a: 397].

8 См.: [Simmel, 1992a: 406ff].

9 См.: [Simmel, 1992a: 385ff].

10 Зиммель говорит о “субъективной целостности индивида” [Simmel, 1992a: 392], о “целостном(-ых) человеке(людях) и об индивидуальности(-ях)” [Simmel, 1992a: 393], о целостном человеке, который может стать доступнее в “тесной близости” [Simmel, 1992a: 401].

11 См.: [Simmel, 1992a: 404f].

12 См.: [Simmel, 1992a: 401].

13 “... Знать о другом только то, что он выносит во вне: либо в общественно-репрезентативном смысле, либо таким образом, когда о другом становится известно то, что он поверхностно о себе сообщает”; степень осведомленности, вплоть до определения “свой в

ния, обобществляющие людей по целевым и рациональным аспектам и делающие возможным знание исключительно с точки зрения объективной достоверности” [Simmel, 1992a: 394]. Ни особые, ни интимные знания, как в браке и дружбе, ни более общие знания об индивидуальных и социальных сторонах жизни, как, например, в кругу знакомых, — отнюдь не обязательное условие существования такой формы взаимодействия, которую индивиды предполагают и используют для достижения абстрактных целей.

Всем этим формам взаимодействия с их ограничительными факторами соответствуют волюнтаристски создаваемые формы манипулирования знанием и незнанием: доверие и тактичность; ложь и сокрытие.

Доверие — одна из форм осведомленности, занимающая место между знанием и незнанием; это взаимоотношения, позволяющие одному человеку при условии недостаточности знаний атрибутировать мысли, ощущения, отношения Другому, от которого он узнает, что возможные действия этого Другого (*Альтер Эго*) не содержат для него ничего неожиданного и представляющего угрозу. Чем сильнее дифференцирована и объективирована культура, тем доступнее и достовернее знания об *Альтер Эго*, которые делают его достойным доверия других. В отличие от менее развитых культур, где доверие предшествует осведомленности об общих характеристиках личности, в обществе модерна калькулирование и власть социальных институтов требуют знания о статусе личности в социальном контексте, прежде чем довериться ей в тех или иных аспектах и взаимодействовать с нею.

Доверяющий хотел бы знать больше об *Альтер Эго*, однако может получить лишь ограниченные знания. Он доверяет *Альтер Эго*, поскольку намерен вступить с ним во взаимодействие, но не имеет возможности базироваться на более полном знании. Тактичный же, напротив, желает знать об *Альтер Эго* лишь столько, сколько тот о себе сообщает, хотя мог бы “посредством расспросов и прочих вмешательств” узнать больше [Simmel, 1992a: 397]¹. Тактичность требует добровольного отказа от интимного знания о Других, который может быть нарушен, когда между ранее незнакомыми людьми неожиданно складываются близкие и продолжительные отношения и им необходимо получить тот минимум знаний, который позволяет, по меньшей мере частично, доверять друг другу. В отличие от этого, бестактность представляет собой целенаправленное нарушение чужих тайн — от шпионажа до чисто психологического наблюдения и анализа².

Если доверие и тактичность отражают благоприобретенные формы контроля знания, в рамках которых *Эго* желает узнать нечто о Другом и [готово] удовлетвориться доступным и предоставляемым ему знанием, то тайна и ложь являются такими формами волюнтаристского манипулирования знаниями, когда *Эго* либо держит в тайне от *Альтер Эго* знание о себе, либо посредством обмана скрывается от других за ложными сведениями.

доску”, основывается не только на том, что заключено “в себе”, “во внутреннем мире”, но и на том, что обращено к Другому и к миру в целом [Simmel, 1992a: 395].

¹ “Так как эта [секретность] ни в коем случае не означает уважения к секретам другого, к его непосредственному стремлению что-либо скрыть, то она сводится к тому, чтобы не допускать одного к знаниям другого, не желающего их раскрывать” [Simmel, 1992a: 396].

² См.: [Simmel, 1992a: 399].

Зиммель определяет *тайну* как то, что “скрывает действительность негативными или позитивными средствами” [Simmel, 1993: 317]¹, что делит социальный мир на очевидный, известный и скрытый, неизвестный, позволяя лишь очевидным фактам обнаруживать себя, несмотря на запреты. Тайна — это социологическая форма, “совершенно нейтральная по отношению к ценностным значениям ее содержания” [Simmel, 1992a: 273] и при этом “привносящая в жизнь значительный заряд напряженности ..., поскольку многое из ее содержания в принципе не должно проявляться публично” [Simmel, 1993: 317]. Знание в форме *тайны* — это “техника, без которой в некоторых условиях невозможно достичь определенных целей” [Simmel, 1993: 318]. Тайна двояким образом может скрывать этически позитивное и негативное знание: в первом случае не скрывая свою конспиративную форму, во втором случае скрывая и содержание тайного знания, и сам факт утаивания². В первом случае тайна обладает общественной значимостью “в аттракционе формально утаиваемых отношений” [Simmel, 1993: 318]. Здесь по своему содержанию утаиваемое имеет скорее субъективную ценность, но объективно неприемлемую форму. Во втором случае мы сталкиваемся с *ложью* как формой знания, что заслуживает дальнейшего рассмотрения.

Ложь, по Зиммелю, — это “позитивная и, так сказать, агрессивная техника” [Simmel, 1992a: 392] обособления знаний одного человека от другого. От другого не просто утаивают явное или скрытое знание, но еще и намеренно сообщают ложное знание с тем, чтобы тот поверил в него, не располагая достоверными сведениями и не подозревая об этом. Лжец при этом должен маскировать перед жертвой лжи недостоверные знания о действительности. Ложь представляет собой такое утаивание знаний, при котором необходимо скрывать как его содержание, так и форму. Это предполагает определенную когнитивную структуру конструирования такой реальности, как ложь.

Когнитивная структура в построении лжи базируется на определенных комбинациях истинных и ложных элементов знания, которые фальсифицируются в зависимости от реальных целей лжеца и должны создавать у жертвы лжи доверие к ней. Доверие способно противостоять лжи, если материал для ее (лжи) конструирования взят из одинаково известной как лжецу, так и жертве лжи, общедоступной и достоверной базы знаний в рамках одного и того же контекста реальности. Лжец не может предложить жертве лжи сугубо фантастическую версию, а вынужден давать определенную долю проверенного и правдивого знания о реальности, предупреждая сомнения. Жертва лжи должна поверить в рассказанное лжецом в той части, которую не может проверить во всех деталях. Проверить же можно тем быстрее, чем больше деталей из сообщения лжеца человек способен установить (проверить) на основе собственных знаний. Чем более запутанные и трудно поддающиеся проверке со стороны жертвы лжи блоки знаний ей предлагаются, а также чем сложнее конструкция лжи, тем большей должна быть доля

1 “Тайна, скрывающая посредством позитивных или негативных средств действительность, — одно из величайших достижений человечества” [Simmel, 1993: 317].

2 Первый случай Зиммель тематизирует довольно четко (см.: [Simmel, 1993: 318; Simmel, 1992a: 420–429]; второй — рассматривает имплицитно, на примере лжи.

истинных и верифицируемых знаний, чтобы заставить жертву лжи поверить¹.

Доверие к ложной конструкции реальности сохраняется тем дольше, чем теснее переплетаются в ней правдивые и фальшивые элементы и чем меньше в ней остается противоречий. При этом лжец “должен уметь так представлять и отшлифовывать их (факты. — *Р.У.*), чтобы они представляли внешне непротиворечивое, но по сути ложное содержание. Лжец не должен стремиться воссоздавать перед ним (жертвой лжи. — *Р.У.*) абсолютно новый мир — достаточно придерживаться своего задуманного плана, придерживаясь логических норм, надежно установленных, известных другим фактов, хотя и сомнительного содержания” [Simmel, 1992b: 414].

Как соотносятся доверие, тактичность, тайна и ложь с формами взаимодействия? Какие формы возникают раньше или предшествуют другим?

Чем меньше и проще группа, чем теснее и интимнее установившиеся в ней отношения, чем более гомогенными и неформальными они бывают в соответствующих контекстах, тем четче распределяется знание и тем меньше сомнений насчет доверия и оснований для проявлений тактичности и тем меньше возможностей для утаивания и лжи². И наоборот, в неупорядоченных, открытых, лишенных сплоченности социальных кругах, где больше шансов что-либо утаить и солгать, приходится больше думать и о доверии, и о сохранении секретности, поскольку в дифференцированном и негомогенном социальном контексте на первое место выходит “то свойство существования, поведения и действия”, которое “часто обуславливает консервирование форм тайны” [Simmel, 1993: 321f]. В то же время для целевых групп, форм знакомства, типических взаимодействий в рамках дифференцированных общественных макроконтекстов, когда люди объединяются на безличностной основе, характерно целевое или предметное знание. В связи с этим в групповых отношениях, в частности, в дружбе и браке, возрастает и актуализируется потребность в доверии, тактичности, утаивании и лжи.

Источники

Brockhaus Encyclopedie : in 24 Bd. : Bd. 10 : Herr.-Is. 19. Aufl. — Mannheim, 1922. — S. 199.

Duden : Das große Wörterbuch der Deutschen Sprache. Bd. 3 : G–Kol. — Mannheim, 1977. — S. 1359 (*Brockhaus* Encyclopedie : in 24 Bd. Bd. 10 : Herr.-Is. — 19. Aufl. — Mannheim, 1989).

Kant I. Kritik der praktische Vernunft. Grundlegung zur Metaphysik der Sitten. Werkausgabe / Kant I. — 5. Aufl. — Frankfurt a.M., 1980. — Bd. 7.

¹ Вымышленные представления сосуществуют с достоверными и истинными; они не должны быть сопряжены с явными отклонениями, будучи достаточно гибкими и способными “проскользнуть в любую щель”, чтобы не противоречить правильным представлениям [Simmel, 1992b: 414].

² “В узком и тесно сплоченном кругу лиц технически сложнее создавать и поддерживать эффект таинственности, поскольку люди близки друг другу, и частота их личных контактов влечет за собой взаимную открытость” [Simmel, 1993: 321]. См. также: [Simmel, 1992: 410].

Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / Kluge F. — 21 unveränd. Aufl. — Berlin ; New York, 1975.

Leymann H. Mobbing. Psychoterror am Arbeitsplatz und wie man sich dagegen wehren kann / Leymann H. — Hamburg, 1993.

Nedelmann B. Strukturprinzipien der soziologischen Denkweise Georg Simmels / B. Nedelmann // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. — 1994. — № 32. — S. 559–573.

Pourroy G.A. Das Prinzip Intrige. Über die gesellschaftliche Funktion eines Übels / Pourroy G.A. — Zürich, 1986.

Simmel G. Das Geheimnis. Eine sozialpsychologische Skizze // Gesamtausgabe. Bd. 8 : Aufsätze und Abhandlungen 1901–1908 (II) / Simmel G. ; Hg. von Alessandro Cavalli u. Volkhard Krecht. — Frankfurt a.M., 1993. — S. 317–323.

Simmel G. Gesamtausgabe. Bd. 11 : Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung / Simmel G. ; Hg. von Ottheim Rammstedt. — Frankfurt a.M., 1992a.

Simmel G. Psychologie der Diskretion // Gesamtausgabe. Bd. 8 : Aufsätze und Abhandlungen 1901–1908 (II) / Simmel G. ; Hg. von Alessandro Cavalli u. Volkhard Krecht. — Frankfurt a.M., 1993. — S. 82–86.

Simmel G. Zur Psychologie und Soziologie der Lüge // Gesamtausgabe. Bd. 5 : Aufsätze und Abhandlungen 1894 bis 1900 / Simmel G. ; Hg. von Heinz-Jürgen Dahme u. David. P. Frisby. — Frankfurt a.M., 1992b.

Thau M. Intrigen: Heimtücke und Verschlungenheit im Alltag. — Stuttgart ; München ; Landsberg, 1990.

The New Shorter Oxford English Dictionary. On Historical Principles. Vol. 1 : A–M. — Oxford, 1933.

Trésor de la Langue Française. Dictionnaire de la Langue du XIX et XX siècle, 1789–1960. — Paris, 1983.

Wörterbuch der Deutsche Sprache. Bd. 1 : A–K. — Leipzig, 1860.

Перевод с немецкого Татьяны Каменской